

рисует картину бедственного состояния народного образования в дореволюционной Кумыкии, богато иллюстрирует выразительными примерами устное народное творчество кумыков и дает полную характеристику литературы. Позволил себе сделать следующие критические замечания. Излишне идеализированы доисламские языческие верования и обряды кумыков — автор называет их «чисто народными» (стр. 322). Думаем, что хотя они и действительно были менее канонизированы, чем исламские верования, но от этого они еще не становились «народными». И языческие верования всегда были объективно против народа. Другое дело, что народ иногда искал и находил возможность превратить те или иные религиозные обряды в народные игры.

В целом интересные материалы раздела «Религиозные верования» изложены без должного анализа, и весь раздел кончается несколько неожиданно и незавершенно.

Наконец, седьмая глава — «Социалистические преобразования» — одна из самых маленьких по объему, но весьма серьезная по своему значению в книге. Здесь нам придется снова вернуться к вопросу о структуре книги. Очевидно, возможно двоякое отношение к такого рода структуре, когда каждое явление культуры в широком смысле слова рассматривается вначале с древнейших времен до Октябрьской революции, а затем в отдельной главе собраны все изменения, произошедшие после революции. Нам кажется такой порядок изложения мало приемлемым. На этом пути очень трудно избежать повторений или изложения вопроса не в том месте, где требует структура работы, и, самое главное, изложение материала по послереволюционному периоду неизбежно будет более кратким, так как не может одна глава быть равной по объему всем другим главам книги. В рецензируемой книге опасность повторения и нарушения структуры успешно преодолена. Это еще раз доказывает, что автор полностью владеет большим материалом и прекрасно умеет обращаться с ним. Но краткость главы вызывает сожаление, тем более, что у автора безусловно имеется в запасе богатый материал по советскому периоду.

Этой завершающей главой о социалистических преобразованиях у кумыков заканчивается книга, в которой дано обобщенное и наиболее полное историко-этнографическое исследование об одном из народов Дагестана с древнейших времен до наших дней. Наши критические замечания касаются лишь немногих положений большой и интересной книги, являющейся ценным вкладом в этнографическую науку.

А. Трофимова

Исторические предания и рассказы якутов. Издание подготовил Г. У. Эргис. Под редакцией А. А. Попова. М.—Л., 1960, ч. 1—322 стр., ч. 2—359 стр.

Исторические предания и легенды как самостоятельный жанр фольклора изучены крайне недостаточно. Между тем эта обширная область устного народного творчества, отражающая исторические события, вернее — отношение народа к этим событиям, представляет несомненный интерес как для фольклористов, так и для историков и этнографов. В этом аспекте заслуживают особого внимания два тома исторических преданий и рассказов якутов, изданных Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Это — первое фундаментальное академическое издание якутского исторического фольклора.

Включенные в это собрание произведения представляют собой не только художественную ценность, но являются своеобразным историческим и этнографическим источником для освещения ранних этапов истории бесписьменного в прошлом якутского народа. Предания якутов о переселении их предков на Лену с юга уже в XVIII в. послужили основанием для гипотезы о южном происхождении якутского народа¹. Якутские исторические предания и в наше время широко привлекаются для реконструкции истории Ленского края². Однако сами тексты, на основании которых историки строили свои выводы, в значительной степени оставались недоступными не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Рецензируемое издание восполняет этот пробел. Оно состоит из текстов и переводов преданий и исторических рассказов, расположенных (насколько это возможно) в хронологическом порядке. Тексты паспортизованы, снабжены подробными примечаниями, схемами родословий. Карта расселения якутов в XVII в. и указатели облегчают пользование материалом. Текстам предпослана содержательная вводная статья составителя — Г. У. Эргиса.

В первой части помещены предания, отражающие жизнь якутов до прихода русских на Лену. Материалы разбиты на четыре раздела. В разделе I («Переселение на

¹ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М., 1937, стр. 183.

² С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., М., 1945; А. П. Окладников, Из истории общественных отношений у якутов в XVII в. (Легенды о Тыгине и историческая действительность), «Сов. этнография», 1949, № 2; его же, Якутия до присоединения к Русскому государству, «История Якутской АССР», т. I, М.—Л., 1955.

Лену прародителей якутов») содержится десять текстов. Шесть из них — легенды с устойчивым сюжетом, повествующие в эпическом стиле о переселении из страны бурят с юга на Среднюю Лену родоначальников якутов — Омогая и Эллей. Варианты этих легенд были записаны еще в первой половине XVIII в. Широкое бытование их справедливо рассматривается как одно из доказательств в пользу переселения тюркоязычных южан — предков якутов — на север. Легенды о переселении предков якутов на Лену важны и для изучения древнего мировоззрения и верований якутов. Образ Эллей, как неоднократно отмечалось в литературе, сходен с образами культурных героев в мифах других народов.

Необоснованно включены в этот раздел, да, вероятно, и в издание в целом, легенды «Урангхай» и «Сахарары». Они отличаются крайним лаконизмом, рассудочностью и являются, вероятно, пересказом каких-то литературных произведений. К тому же они записаны в одном варианте и, очевидно, не имеют широкого распространения.

Раздел II («Неякутские племена») состоит из 18 легенд и преданий о племенах, живших на территории современной Якутии до прихода туда якутов. Эти сказания весьма реалистически отражают прошлое северных племен — их быт, обычаи. На большое значение этих преданий указал А. П. Окладников и широко использовал их в своей работе «Якутия до присоединения к Русскому государству». Некоторое недоумение вызывает включение в этот раздел демонологических преданий о Чучуне. В ряде легенд Чучуна выступает не как человек, а как одинокое и одионое существо. От соприкосновения с его кровью человек будто бы сходит с ума. Возможно, это перелетка эвенкийской сказки о чудовище Чулугды³.

Чрезвычайно интересен, особенно для историка Якутии, раздел III («Предки якутов центральных районов, межродовые и межплеменные столкновения»), содержащий 42 текста). Как известно, наши представления о социальном строе якутов в эпоху предшествующую вхождению Якутии в состав Русского государства, очень туманны. Исторические предания о жизни якутов до прихода русских повествуют о происхождении того или иного рода, рисуют не только быт якутов, хозяйство, вооружение, но свидетельствуют о значительном имущественном расслоении. Эти предания воскрешают мрачную эпоху межродовых войн, которую переживали якуты в XVI—XVII вв. Наиболее ярко она отразилась в цикле сказаний о кангаласском тойоне Тыгыне, в предании «Волки-бегюнцы» о распре между сетюнцами и нахарцами. Обычные эпизоды исторических преданий — ссоры родоначальников, деливших владения по праву сильного, угон скота, захват пленных, кровавая месть, жестокие расправы, рыцарские турниры и т. п. Г. У. Эргис справедливо указал на наличие в этих легендах мотивов осуждения родоначальников, ради корысти раздувавших кровавые конфликты. В легендах о межродовых столкновениях отразилось много событий, действительно имевших место в XVII в.

Раздел IV («Заселение якутами Вилюя и Кобяна», 12 текстов) примыкает по тематике к предыдущему. Предания, включенные в этот раздел, повествуют о распрах между коренными обитателями этого края — тунгусами и о столкновениях их с пришельцами — якутами («Потомки Нюрбачаан», «Старуха Диардаах»).

Исторические предания вилюйских якутов, как и рассказы якутов подгородних улусов, также отражают эпоху межродовых войн. Из произведений, включенных в этот раздел, особое внимание привлекают предания, свидетельствующие о том, что в бассейне Вилюя якуты проникли еще до прихода русских. Это были кангалассцы, разошедшиеся с могущественным Тыгином. Проникновение якутов на Вилюй рисуется как переселение отдельных беглецов из центральных улусов, пытавшихся здесь укрыться от междоусобиц и притеснений тойонов.

Остальные шесть разделов составляют содержание второй части, изданной отдельным томом. Она открывается разделом V («Приход русских в Якутию», 14 преданий). В этих преданиях наряду с элементами фантастики сохранено воспоминание о многих исторических фактах. Однако главное достоинство этих произведений не в фактической достоверности, а в том, что они позволяют понять отношение самого якутского народа к включению Якутии в состав Русского государства. В преданиях описывается удивление якутов при ознакомлении с действием огнестрельного оружия, произвол и насилия воевод, столкновения с казачьими отрядами, но в то же время в них отражены более ярко, чем в исторических документах, прекращение кровавых распр, межродовых столкновений, установление элементов государственного правопорядка.

Раздел VI («Заселение якутами северных и других окраин», 25 текстов) содержит много нового познавательного материала. Проникновение якутов на Колыму, Индигирку, на озеро Ессей Красноярского края (XVII—XIX вв.) очень слабо выявляется по официальным документам. Исторические предания воссоздают картину освоения якутами северных окраин, показывают причины известного запустения центральных районов.

Разделы VII—IX («Люди из народа», 17 текстов; «Тойоны и бааи», 19 текстов; «Землепользование. Распространение земледелия», 23 текста) содержат предания, хро-

³ См. Г. М. Василевич, Сборник материалов по эвенкийскому фольклору, Л., 1936.

нологически близкие к нашему времени. Часть из них оформилась в виде произведений с устойчивым сюжетом, например цикл о разбойнике-бунтаре Василии Манчары, действовавшем в первой половине XIX в., о самодуре-богаче Додоре Карлашевском и других; часть же представляет собой рассказы-воспоминания о том, например, кто были и как наживались олекминские подрядчики (стр. 204), или объяснения малопонятных теперь терминов «прожиточный надел» (стр. 219), «сверхнадежная земля» (стр. 220), «классная» система землепользования» (стр. 217), или описание того, как производились земельные переделы (стр. 221), и т. п. Включение таких рассказов, являющихся фактически не столько фольклорными произведениями, сколько этнографическим источником, представляется в данном издании целесообразным. Составителю следовало лишь оговорить это их своеобразие во введении.

Последний раздел — X («Верования. Шаманы. Крещение. Юэр»), содержащий 20 текстов) на первый взгляд мало связан с основной тематикой данного издания, однако произведения, включенные в этот раздел, повествуют о шаманах, знаках, священниках, игравших в жизни якутов важную роль, характеризуют традиционные религиозные представления якутов.

Таким образом, предания, легенды и рассказы, опубликованные в рецензируемом издании, разносторонне рисуют жизнь и быт якутского народа от древнейших времен до начала XX в.

Г. У. Эргисом проведена большая работа по комментированию и сличению исторических преданий с документами. Некоторые примечания представляют собой краткие историко-фольклорные исследования. Существенный недостаток примечаний в том, что в них фактически обойден вопрос о типичности помещаемых произведений, не отмечены другие бытующие варианты этих легенд и рассказов.

Издание снабжено хорошим научным аппаратом. Кроме примечаний даны этнографические указатели, родословные таблицы, схематические карты расселения якутов в XVII в. (карты составлены Б. О. Долгих).

В заключение отметим доброкачественный перевод текстов, хорошо передающий особенности оригинала. В этом немалая заслуга редактора, ныне покойного, А. А. Попова.

В целом «Исторические легенды и рассказы якутов» — весьма ценное издание, к которому будут обращаться не только исследователи фольклора, историки и этнографы Якутии, но и все фольклористы, работающие над историческими жанрами.

И. Гурвич

С. И. Вайнштейн. *Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки.* Под редакцией Л. П. Потапова. Издательство восточной литературы, М., 1961, 218 стр.

Рецензируемая работа посвящена исследованию дореволюционного хозяйства, быта и культуры тувинцев-тоджинцев, а также вопросам их происхождения. Историко-этнографическая литература по тувинцам вообще небогата. О тоджинцах же — крайней восточной группе тувинцев, отличающихся от остальных своих сородичей рядом особенностей (например, оленеводством у большей части тоджинцев), имеются лишь скудные и отрывочные сведения. С. И. Вайнштейн работал в Туве несколько лет, занимаясь этнографическими и археологическими исследованиями. В рецензируемой работе автор использовал по преимуществу собранные им лично материалы, а также всю имеющуюся этнографическую и историческую литературу, материалы архивов и музеев, касающиеся тувинцев-тоджинцев. Работа богато иллюстрирована фотографиями и рисунками, выполненными преимущественно самим автором.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения. Во введении автор описывает природные условия Тоджи и приводит краткие сведения по истории тувинцев-тоджинцев. Содержание глав хорошо передается их заголовками: гл. 1 — «Происхождение тувинцев-тоджинцев» (стр. 20—36); гл. 2 — «Административное устройство, родо-племенное устройство и расселение» (стр. 37—41); гл. 3 — «Хозяйство: охота, рыболовство, оленеводство, скотоводство, домашнее производство, годовой хозяйственный цикл оленеводов, хозяйственные связи» (стр. 42—84); гл. 4 — «Жилище. Пища. Одежда» (стр. 85—126); гл. 5 — «Общественные и семейные отношения» (стр. 127—141); гл. 6 — «Народные знания и творчество» (стр. 142—169); гл. 7 — «Религиозные верования» (стр. 170—194). В заключении (стр. 195—204) автор говорит о преобразованиях в быте, культуре и хозяйстве тоджинцев за годы Советской власти. Основное достоинство работы — новизна материала, тщательно собранного автором и изложенного на высоком научном уровне. В работе подняты такие важные научные проблемы, как происхождение тоджинцев, возникновение у них оленеводства и т. п. Большой интерес представляет первая глава, посвященная вопросу о происхождении тоджинцев, для решения которого автор привлекает очень интересный и разнообразный материал — археологический (как уже отмечено, собранный самим автором), исторический, топонимический, антропологический, этнографический, легенды о происхождении родов и т. п. Эта глава, небольшая по объему, является наиболее проблемной в данной ра-